

**Живая структурность бытия и мышления
в форматах социопроотокода
©Н.А. Подзолкова, 2016**

Аннотация: В статье пойдёт речь о том, как общество получает свою структуру, а человек – свою форму. Какую роль при этом играет «протокодовый синтаксис» описания различных режимов бытия и мышления, и при каких условиях работа сознания по преобразению мира в сторону усиления многоединства оказывается плодотворной. Все эти вопросы обсуждались на форуме «Интегрального сообщества» в течение полугода (с ноября 2015 по март 2016), поэтому статью можно рассматривать, с одной стороны, как итог некоторой совместной работы по синтезу аксиоматик членов ИС (мечта С.А. Борчиков), с другой стороны, как некоторую важную веху на жизненном пути автора.

Ключевые слова: режимы бытия и мышления, Ereignis, синтез аксиоматик, социопроотокод, форма человеческого, развивающийся Абсолют.

**Living Structure of Being and Thinking in The Formats of The
Socioprotocode
Podzolkova N.A.**

Abstract: The article considers a number of issues: How the society receives the structure and how the human being receives the form? What role plays the protocode syntax description of the different modes of being and thinking in this context? Under what conditions the work of consciousness on transformation of the world in the direction of strengthening the multiunity will be productive?

All these items were up for debate for more than a half a year at the forum of «Integral Community» [IC] (since November 2015 to March 2016). So you can consider this article as a result of IC-members teamwork on the axiomatics synthesis (the dream

of S.A. Borchikov), on the one hand, and as the important milestone in the path of author's life, on the other hand.

Keywords: being mode and thinking mode, Ereignis, synthesis of axiomatics, socioprotocode, the Human Eidos, the developing Absolute.

生活结构的存在和思维 在格式socioprotocode

波德佐尔科瓦

摘要: 它的形状 – 该文件将在社会如何获得其结构和人员进行讨论。 什么样的角色由 “protocode” 语法” 中扮演来形容的存在和思维的各种模式，以及在何种对世界的意识在加强区别的方向转变的工作证明卓有成效的条件。

关键词: 存在和思维， 本生模式， 合成公理化， socioprotocode， 人类的形状， 成长绝。

Живая структурность бытия и мышления в форматах социопроотокода¹

1. О двух режимах бытия и об Ereignis как способе перехода из одного режима в другой

Гипотеза заключается в том, что жизнь человека делится на две неравные части, два различных режима бытия и мышления. Первый режим бытия характеризуется классическими гносеологическими процедурами приращения знания и понимания через опыт взаимодействия с миром и последующим анализом этого взаимодействия. Большую часть жизни человек пребывает именно в этом режиме: рождается, учится, пытается что-то понять и изменить к лучшему, а затем умирает с той или иной степенью удовлетворённости от содеянного. Это режим, в котором есть место для исследования и испытания мира, но нет места для встречи с самим собой. Условно назовём его «теоретическим режимом» или «режимом №1».

Второй режим бытия сопряжён с процедурой «обнуления» в точке «здесь и сейчас» накопленного индивидуального опыта. Человек вдруг полагает предел бесчисленной череде моментов, слипшихся в неподвижно-константный «субъект» (личность), и становится сам для себя новой и постоянно смещающейся точкой отсчёта, продуцирующей бытие. По всей видимости, попадание в этот режим имел в виду Декарт в своём «*cogito*», которое можно понять как мышление-переживание, впервые оживляющее бытие и помещающее познающее «я» на кончик устремлённого в бесконечность луча. Условно назовём такой режим «бытийным» или «режимом №2».

Этот второй режим хорошо коррелирует с введённым мной ранее понятием «апофатическая гносеология» [8]. Апофатическая (отрицательная) теория познания не подразумевает накопления и приращения знания, как это происходит в классической (катафатической или положительной) гносеологии, она исходит,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00825 «Постнеклассическая интегральная философия: образы социального протокола».

скорее, из переживания истины в бессубъектном действии. «Действие принадлежит сфере непосредственного переживания, сочувственного отклика на конкретное событие, и чем меньше это действие связано с грузом предшествующих знаний и привычек, тем оно точнее и адекватнее» [8, с. 91].

Важный аспект соотношения режимов бытия отмечает С.А. Борчиков: «В теоретическом режиме философ производит понятия и теории, смыслы и логосы, системы и их синтезы, а памятуя, что метафизирующий разум может продуцировать химеры и ложь, то с учётом практической верификации продуктов разума, в итоге остаются только сущности – носители истины. Хорошо сказал В.И. Моисеев в одном из последних сообщений, что это, собственно, задача всех наук – познавать сущность вещей. Итак, если в теоретическом режиме философ производит сущности, то в бытийном режиме философ производит сам себя, но опять же не только себя как частное или акцидентальное лицо или самость, а своё бытие, и через это – бытие вообще. В этом проявляется фундаментальная метафизическая разность режимов: один – о сущности, другой – о бытии» [2].

Между режимами бытия существует очень своеобразная координация. Они не противостоят друг другу, но и не дополняют в привычном смысле этого слова. Потому что такое «дополнение» относится, скорее, к режиму №1 и катафатической теории, где возможно приращение, усиление и накопление. Можно сказать, что режим №2 перпендикулярен режиму №1, он реализуется в «разрывах» первого режима краткими «перебоями», в которых появляется новое вертикальное направление – «ввысь».

Режим № 2 является возможным, но не обязательным способом бытия. Кроме того, попадание в него осуществляется через некоторое особенное «событие» в жизни человека, которое точнее всего отражается хайдеггеровской категорией Ereignis [9, с. 96]. Собственно, Ereignis – высвобождающее «событие, которое даёт возможность всему быть самим собой, позволяет всему идти к себе» [9, с.183], таким образом меняя статус основных координат нашего бытия: времени, пространства, мышления и самой жизни. Ereignis – «просвет бытия», в который можно успеть «переключиться» в режим №2 и поработать над тем же материалом,

который мы обычно имеем перед собой – над нашей жизнью, но поработать совсем иначе: плодотворно, ярко, любовно.

Ereignis не зависит от воли человека или от его желания. Нечто, превосходящее пределы индивидуальной субъективности, должно «позвать», взволновать, «задеть за живое». Но человек может создать условия для того, чтобы эта «встреча» с универсальной жизнью произошла. Важнейшими условиями являются бесстрашие и готовность «потерять себя», то есть осознать смерть своей самости. Ereignis приоткрывает горнило универсальной жизни, в котором плавятся представления о личности. Живое всегда меняется, постоянно умирает и каждый миг заново возрождается. По словам М.К. Мамардашвили, «освобождает нас от плена, расколдовывает мир... очень странная вещь... – смерть, если она понята до конца» [6, с. 123].

Хотелось бы ещё раз «закрепить» сказанное здесь о режимах бытия и мышления ссылкой на текст М.К. Мамардашвили: «...Человеческие существа в силу некоторого фундаментального положения в космосе таковы, что живут одновременно в двух режимах жизни – в режиме некоторой невидимой реальности (более реальной, чем видимая) и в режиме видимой реальности. Причём в режиме невидимой реальности <...> мы живём перебоями...»[6, с. 109]. «...Перебоями, то есть нашими истинными состояниями... Но это только на какое-то мгновение, ибо в следующее мгновение вновь наступает полоса обыденной жизни, в которой – груда отрицательных состояний и отрицательных предметов» [6, с.108]. Необходимо только уточнить, что термин «отрицательный» в контексте отрывка означает «без реального присутствия», то есть речь идёт о состояниях, которые с человеком просто «случаются», и о предметах, которые человека не «задевают», не вызывают «бытийного» отклика.

2. О трансформации «классических» понятий в режиме №2

Для того, чтобы разговор о двух режимах стал конструктивнее, нужно показать, как трансформируются классические понятия, попадая в «силовое поле» режима №2. С.А. Борчиков описал, как бытие (Sein) в этом режиме получает статус

Dasein [4, с.72-73], а сущность (Wesen) обращается в Dawesen [3]. Отсылая к соответствующим статьям, приведу здесь небольшую цитату: «Немецкий философ Оскар Беккер выделил особый вид сущностей, обладающих в дополнение к атрибутам идеальности и истинности еще и атрибутом актуальности (наличности), т.е. существующих здесь и сейчас во всей своей действительной мощи. Он назвал их да-сущностями, по-немецки – Dawesen, а по смыслу – сущими сущностями» [5].

Трансформация таких глобальных понятий как бытие и сущность требует глубоких и длительных исследований, которыми и занимается С.А. Борчиков, тогда как в рамках обзорной статьи хотелось бы разобрать несколько более простых примеров. Ведь нужно помнить, что в режиме №2 раскрываются не какие-то особенные состояния и феномены, а по-новому высвечиваются самые близкие и знакомые вещи, такие как «память», «воображение», «творчество» ...

Читаем у М.К. Мамардашвили:

1. «Помнить можно лишь то, что не свершилось, ... иначе память была бы излишней» [6, с. 247].

2. «Вся проблема воображения и состоит в том, чтобы воображать существующее, а не отсутствующее. Воображать воспринимаемое» [6, с. 247].

Действительно, мы постоянно обращаем внимание на недостаток, несовершенство нашей памяти, на то, что она теряет массу деталей, фиксирует только узкий спектр реальности, попавшей в поле нашего внимания, замечаем пропасть между непосредственным восприятием и представлением об этом восприятии (Д. Юм). Всё это так, и наши попытки развить и укрепить в себе эйдетическую память прекрасны и необходимы. Но эти усилия исходят из представления о том, что память – это механизм продления и фиксации того, что реально было.

Но ведь столь же очевидна и удивительна избыточность нашей памяти, её способность раскрашивать события, обогащать случившееся смыслом, особым душевным настроением. Целые периоды жизни мы иногда вспоминаем с переживаниями, отличными от тех, которые испытывали, пока эти периоды длились. Само понятие «ностальгия» было бы нам чуждо, если бы мы не умели

окрашивать в «счастливые» тона моменты жизни, которые проживались как совершенно обыденные. И мы не называем по-новому окрашенные переживания «ложной» память. Возможно, избыточность воспоминаний такое же базовое свойство памяти, как объём или длительность, поскольку практически все события вспоминаются с добавочной окраской. Если событие не окрашивается в воспоминании, то, скорее всего, мы вообще не запомнили его – «проскочили» мимо собственного бытия.

Итак, добавки памяти – это не иллюзии, это способ сохранения реальности. Но что такое работа памяти по расцветиванию наших воспоминаний как ни воображение с его удивительной творческой способностью творить новое. То новое, чего не было в переживании, но что появляется в воспоминании – это не фикция, это реальность нашего бытия, в которой мы творим самих себя с помощью кантовской «продуктивной способностью воображения». Получается, что М.К. Мамардашвили прав, говоря о необходимости «воображать воспринимаемое».

Как связано сказанное о памяти и воображении с двумя режимами бытия и мышления. Здесь очень показательна аналогия с полушариями головного мозга. Дело в том, что правое полушарие (которое отвечает за левую руку и иногда называется «художественным», в отличие от левого – «аналитического»), по уточнённым данным физиологов, – не столько художественное, сколько более правдивое. В режиме работы этого полушария мы способны воспринимать мир, не опосредуя его нашими знаниями, схемами и алгоритмами. Просто для художественной деятельности это очень полезно. Простой пример: лет с 9 (когда речь и аналитические способности у человека уже достаточно развиты) подавляющее большинство людей перестают видеть, что глаза расположены по центру между макушкой и подбородком, и всегда смещают их на рисунках вверх. Таким образом, рисунок лица принципиально не удаётся [11]. Представление о том, как должно быть по нашим схемам, оказывается сильнее того, что есть и находится прямо перед нашими глазами. Пока не возьмём в руки линейку – не будем доверять собственным глазам. Вот почему художники используют специальные практики,

чтобы «обойти», «обмануть», «усыпить бдительность» левого аналитического полушария и увидеть мир таким, какой он есть без наложенных на него схем. Таким образом, существует переключение между лево-полушарным режимом и право-полушарным режимом. В современном мире большую часть времени подавляющее большинство людей находится в лево-полушарном (праворуком) аналитическом режиме.

То же и с бытием. Память+внимание – это стандартная схема теоретического режима. Мы настолько к ней привыкли, что совсем не замечаем положительную прибавку памяти, а фиксируем только её недостаточность: не запомнили всех предъявленных органам чувств элементов действительности. Все упражнения по развитию памяти – только на ликвидацию этого недостатка: запомнить как можно больше деталей.

В то время как связка память+воображение, которая реализуется в бытийном режиме, остаётся без внимания, хотя она ничуть не менее очевидна и постоянно присутствует в нашей жизни. Никто не ставит задачу тренировать воображающую способность памяти, чтобы она как можно более красочно и ярко раскрашивала те прошедшие события нашей жизни, которые мы не успели прочувствовать в непосредственный момент проживания. А ведь это так важно! Что даёт нам ощущение полноты собственной жизни, как ни воспоминания о прочувствованных, эмоционально окрашенных, осмысленных событиях? Но ведь 90% осмысления и окраски происходит позже, благодаря усилиям творческого воображения – это осмысление и окраска собственного детства, юности, поворотных событий в жизни (когда мы понимаем, что в тот момент решалась наша судьба, только спустя годы) и так далее.

В «просветах» Ereignis, когда бытие перестаёт «проскакивать» мимо нас и начинает восприниматься непосредственно «здесь и сейчас», существует совершенно другая схема воспоминаний – они затухают в памяти, а не расцветаются. Для них продуктивная работа воображения совершается уже непосредственно в момент проживания, поэтому дальнейшая работа памяти уже не нужна. Вот почему они воспринимаются как ощущение полноты жизни (чувство

себя живым!), но, к сожалению, не могут поддерживаться долго. Возможно, наша способность к творчеству онтогенетически ещё слишком слабая и юная.

Если вписывать рассмотренные здесь определения памяти и воображения в классическую модель человеческой психики, то они будут звучать диссонансом. Так же и с другими понятиями: истина, сущность, бытие, которыми занимается С.А. Борчиков. Поэтому наша задача научиться постепенно интегрировать разные режимы (теоретический и бытийный), очень бережно исследуя те различные функции, которые в этих режимах выполняют одни и те же понятия.

3. Об аксиоматиках и об их синтезе

С одной стороны, интеграция разных режимов неизбежно порождает удваивание понятий и выявление всё новых и новых областей их применения – это существенно усложняет процесс познания. С другой стороны, в самом существовании разных режимов содержится новый интегрирующий потенциал. Если нашей познавательной задачей является некоторый глубинный синтез, то дифференциация режимов бытия может оказаться крайне полезной. В частности, теорию двух скоординированных режимов бытия можно использовать при решении проблемы синтеза аксиоматик [3].

Эта проблема сложна тем, что:

- с одной стороны, аксиомы не являются результатом предыдущей теоретической работы, в которой существуют правила вывода, в которой можно найти ошибки и скорректировать определения понятий (режим №1). Я называю сущностную аксиоматику человека «интуитивной очевидностью». У каждого человека может быть своя интуитивная очевидность, и даже если он её обосновывает, то есть подбирает определённые процедуры вывода, то делает это не для себя, а для других – для тех, кому эта очевидность не ясна;

- с другой стороны, аксиомы не являются непосредственным результатом опыта. Точнее будет сказать, что связь опыта с аксиомой, как правило, утрачена. В подавляющем большинстве случаев мы не знаем и не можем сформулировать, какой именно опыт привёл нас к той или иной аксиоматике. Если бы мы могли

всегда выполнить такую процедуру, то могли бы и менять, корректировать и перестраивать свои аксиоматики, усомнившись в том источнике или том способе, которым аксиома была приобретена. Но такие ситуации встречаются крайне редко, и, как правило, касаются более или менее упрощённых аксиоматик.

Можно сделать вывод, что наша интуитивная очевидность значительно шире и глубже нашей сознательной жизни и памяти, она прорастает в какие-то трансцендентные структуры. Я не хочу сказать, что аксиомы априорны, я хочу сказать, что некоторые виды опыта – трансцендентны, как ни парадоксально это звучит. Не весь наш опыт – на самом деле «наш», часть этого опыта выходит далеко за пределы индивидуальной субъективности, например, в область юнговского коллективного бессознательного.

Из этого следует, как правильно заметил С.А. Борчиков, что словами и теориями аксиоматику не поменять. Она продукт другой природы, хоть и выглядит, как набор теоретических постулатов. При этом опыт, который мы можем осознать, повторить и проанализировать, тоже вторичен – он всегда есть порождение аксиоматики. Круг замыкается. То, что случается с нами в мире, случается уже «под знаком» наших интуитивных очевидностей – они, как кантовские априорные формы, «облачают» видимый и понимаемый мир.

Каким же образом достигать взаимопонимания на уровне аксиоматик? Напрашивается вывод, что метод следует искать вне теоретизирования и порождённого нашими теориями опыта, то есть в режиме №2.

Говоря в предыдущем разделе о трансформации привычных понятий в бытийном режиме, мы уже начали выстраивание новой «понятийной сетки», которая может быть соотнесена с «сеткой» режима №1. Это означает, что мы продолжаем двигаться в своём познании (даже если это познание «апофатическое») – не «впадаем в нирвану», не замолкаем для мира, а продолжаем жить, мыслить и, что особенно важно – разрабатывать новые философские категории. Хочу привести очень оптимистичную с точки зрения возможности синтеза аксиоматик цитату М.К. Мамардашвили: «...Наша сознательная жизнь организована таким образом, что если мы что-то до конца и по-настоящему делаем, если встали на какой-то путь

и идём по нему, то в сделанном обязательно окажется то, что делают другие... То есть моя мысль состоит в том, что если мы действительно подумаем (а это очень трудно), то подумаем то, что уже подумали другие» [6, с. 28].

В режиме №1 мы не можем «подумать то, что уже подумали другие» иначе, как в виде абстрактных и общезначимых сущностей. «В то время как абстрактные значения имён или абстрактные сущности, стоящие за явлениями, могут непрерывно переноситься и быть добавлены из одного мира к другому, от одного человека к другому человеку, так как обладают непрерывностью коммуникации, – чувственное отношение к сущности, отношение к сущности на чувственном уровне прерывает эту коммуникацию и дискретизирует сущность». [6, с. 380] Таким образом, для наших аксиоматик, поскольку они больше чем «абстрактные значения», в режиме №1 положен предел коммуникации.

Но в режиме №2 ситуация меняется. «Подумать то, что уже подумали другие» здесь столь же естественно как дышать воздухом. Здесь «не поняв (не создав), мы не можем пережить... Акт понимания не внешен по отношению к переживанию, он случается не после. В этом смысле прошлое есть резервуар, набитый неслучившимися переживаниями». В этом режиме константное замкнутое непонимающее «я» вообще отсутствует, здесь возникает бессубъектное скольжение через понимание внутрь переживания. Если мы не понимаем друг друга, значит, мы ещё не попали в режим №2, сама процедура попадания в этот режим через Ereignis уже есть акт понимания – понимания того последнего на фоне смерти факта, что все правы. В режиме № 2 мы как бы подходим к проблеме синтеза аксиоматик «со спины», с той стороны, где этой проблемы нет, и только потом «спускаемся» в онтологическое переживание своей дискретности и разделённости. Нам больше нет нужды выяснять, откуда в нас живёт та или иная интуитивная очевидность, потому что мы приняли участие в непосредственном «воздвижении» этой очевидности, но не в роли отдельной личности, а «ангажировав» себя более глобальным и универсальным структурам, «пригласившим» нас для этой работы.

М.К. Мамардашвили убеждён, что декартовское «*cogito*» описывает именно такую процедуру. Вопреки расхожему мнению, «вся декартовская техника была направлена на то, чтобы максимально устранить, заблокировать все механические элементы мышления» [6, с. 335]. «Когитальное сознание – это моё сознание, которое я должен подставить под вещь, чтобы от этой вещи получить истинное впечатление. Чтобы увидеть вещь, надо своим сознанием встать на место или в точку творения этой вещи» [6, с. 291]. Можно обобщить всё сказанное следующим образом: необходимо извлекать опыт органической (в соловьёвском контексте) жизни из наших переживаний, что возможно сделать только в процессе со-творчества с теми стихиями, которые подводят нас к этим переживаниям.

Природа наших аксиом очень тесно связана с собственной формой человеческого: аксиомы пытаются выполнять роль несущих стержней, каркаса нашей живой структуры. Но они не могут справиться с этой ролью, потому что «застряли» на полпути. Мы не вложили в них себя, не пережили их с извлечением опыта, не сделали их продуктом со-творчества нашего мышления и нашей души с более развитыми (холархически) трансцендентными организмами (например, с Богом). Мы чувствуем их (т. е. аксиом) потенциал, поэтому не хотим ими поступиться. Но пока работа не выполнена, сами по себе аксиомы не помогают, а скорее, препятствуют синтезу.

Отсюда задачи по реализации синтеза аксиоматик следующие:

- 1) научиться через *Eraignis* входить в режим №2, т. е. не пропускать эти моменты, отслеживать их, узнавать;
- 2) научиться выполнять в этом режиме работу по созданию собственных переживаний, т. е. творить произведение своей жизни (текст, музыку, изображение, танец и т.д.);
- 3) из созданных переживаний научиться извлекать новый вид опыта (опыта жизни перпендикулярной её обычному конечному течению – по Л.Н. Толстому) и другой вид мышления (когитального – по Декарту, в котором я мыслью могу впервые «расколдовывать» бытие);

4) только освоив эти процедуры, вернуться к собственной аксиоматике и попытаться превратить её в совместное произведение как минимум двух авторов: нас самих и того трансцендентного субъекта, который изначально «спустил» её нам в виде интуитивной очевидности;

5) начать увеличивать количество «авторов», подключая к этой работе других творцов с их «оживлёнными» аксиоматиками. И вот здесь-то нас ждёт удивительная солидарность с теми, кто тоже выполнил все указанные процедуры: даже если ни единого общего термина не будет в наших аксиоматиках, вдруг обнаружится, что все они – об одном, и все – друг друга обогащают, и это будет даже «без слов» очевидно каждому участнику-сотворцу синтеза аксиоматик.

Важно добавить, что именно на этом этапе возможна «свёртка» аксиоматик с помощью универсального языка математических символов, позволяющая *впервые* создать единую синтетическую теорию. Почему впервые – потому что материал для «свёртки» должен быть не просто абстрактной и универсальной сущностью режима №1 (Wesen), но сущей сущностью режима №2 (Dawesen) по закону совпадения индивидуальности и универсальности Вл. Соловьёва.

4. О значении социопрокодов в генерировании форм социальности

Итак, аксиоматика – это потенциальный «стержень» нашей собственной формы, но над созданием самой формы ещё предстоит трудиться. «Мы большую часть нашего времени дня и жизни находимся, наши чувства находятся в состоянии желатина – их ничто не со-держит. А со-держит форма» [6, с.207]. Чтобы создать форму, которая в состоянии нас держать, «добрых намерений» не достаточно, они слишком «слабые». Мы можем, например, не любить доносить и не хотеть этого делать, но если в нас нет внутреннего закона, нет кантовского категорического императива, то нет и гарантии, что в определённых обстоятельствах, угрожающих нашему без-основному (желатиновому) существованию, мы не пойдём доносить. Таким образом, необходимо, с одной стороны, «возвести» в себе закон, несущую конструкцию, с другой стороны – эта конструкция должна оказаться универсальной, потому что закон не может быть для одного, но только для всех.

Мы подошли к самому главному вопросу – вопросу *возведения основ*. Нужно понять, каким образом общество получает свою структуру, а человек – свою форму. И я буду исходить из того, что человек (да и социум в целом) «должен каждый раз заново воссоздавать некоторую общую основу всего того, что ему представляется ценностью или культурой. Человеческая культура, в том числе культура чувств, культура понимания, не состоит из каких-то вещей, которые раз навсегда сделаны и положены в такое место, к которому мы всегда имели бы доступ... В действительности, всё это нужно возрождать или воссоздавать заново, и никто и ничто не может избавить человека от этого труда...» [6, с.189].

Обратимся к понятию «социопротокод», осуществляющему унификацию многообразия множества социальных элементов. Данный концепт вводился и разрабатывался Интегральным сообществом с целью подвести основу (пока теоретическую) под разношёрстный социальный материал, чрезвычайно трудно поддающийся структурированию. Для социума социопротокод есть нечто аналогичное аксиоматике (интуитивной очевидности) для человека, то есть некоторый синтаксис, уходящий за пределы осознанного в культуре и языке социокода. Будучи переосмыслен (или даже пересотворён) в режиме №2, этот синтаксис может слиться с семантикой и лечь в основу живой и динамически обновляемой структуры – единого организма человеческого социума. Но это пока ещё очень далёкая задача. Социум на данном этапе больше напоминает некий аморфный конгломерат элементов, а хотелось бы, чтобы он стал со временем живой оформленной структурой.

Предположим, что у нас есть некий первоначальный импульс, жизненный порыв (по Бергсону), лежащий в основании постепенного развёртывания многообразия. Но, проецируясь на конкретные состояния в виде различных форм, большая часть этого импульса рассеивается, закручивается в плоскую спираль, не давая приращения. Форма, оказавшаяся функциональной (в биологическом плане – жизнеспособной), «хочет» длить себя и «не желает» меняться. В случае развития общества, имеем социальные ячейки, социальные институты, социальные

отношения, изменения и «новизна» которых – только видимость изменений: перетасовка элементов, смена вывесок и лозунгов.

«Жизнь в целом является как бы огромной волной, которая распространяется от центра и почти на всей окружности останавливается и превращается в колебание на месте: лишь в одной точке препятствие было побеждено, импульс прошёл свободно. Этой свободой и отмечена человеческая форма... Всё происходит так, как будто неопределённое и неоформленное существо, которое можно назвать, по желанию, человеком или сверхчеловеком, стремилось принять реальные формы и смогло достичь этого, только потеряв в пути часть самого себя» [1, с. 258-259].

И если до какого-то момента импульса хватало для создания формоподобных структур, то с момента возникновения слишком большого уровня сложности (разума, самосознания, социальности) первоначальный импульс всё больше расплывается и «схлопывается» в сложные и механистичные *недо*-формы, не способные породить новое, двигаться дальше, продлевать первоначальный импульс. Однако где-то в недрах этих устойчивых *недо*-форм социума продолжает работать скрытый генератор многообразия. По отношению к сложившимся структурам он избыточен и не обязателен, но именно он «отзывается» на режим №2 и может перевести всю полумеханистическую систему в состояние живого организма (в соловьёвском смысле). «Продуктом» работы этого глубинного генератора, который мы можем фиксировать, так сказать, «на поверхности», является многоединство произведений искусства (музыка, литература, живопись, архитектура) и произведений человеческой мудрости (философия), а системой представлений (синтаксисом) этого генератора является социопротокод.

Эмпирически можно почувствовать этот скрытый процесс в появлении, например, такой «кристаллической» идеи как идея ненасилия (Будда: никогда ненависть не побеждается ненавистью...), постепенно развивающейся в идею любви к ближнему (Христос, Толстой, Ганди). Люди поддаются под её действие, и тогда, выраженная в форме самых разных произведений, эта идея обретает статус внутреннего стержня (кантовского категорического императива). Общество, в

целом, медленно трансформируется под её действием. Здесь практика опережает теорию, потому что мы ещё не научились теоретизировать в бытийном режиме (теоретизировать в нём сложнее, чем жить), ведь для этого нужно принести сложившуюся недо-форму в жертву (например, поменять аксиоматику), «умереть» для старых представлений.

Почему смерть поверяет жизнь? Потому что нужно отшелушить всё омертвевшее, чтобы добраться до живого. Наша биологическая форма – это не предел развития. На данном этапе идёт вылупление новой формы – более юной, не покрытой хитиновым покровом, совсем хрупкой и живой. Это *форма нашей человечности*. Для социологии она избыточна, более того, она ставит под удар успешную и окрепшую недо-форму человеческого социума, построенного на основе «легальных» по Канту поступков и взаимосоглашений. В реальном социальном бытии всё ещё «длится» Ветхий завет: *не убий, не укради, не сотвори себе кумира...* Новый завет: *люби ближнего своего как самого себя* – это роскошь, пагубная для современного человеческого социума. На Афоне на монахов нисходил Фаворский свет, но он не защитил их от османского завоевания. Новая форма может поставить под удар выживание человечества, если она не родится *во многих*, если *многие* не загорятся ею.

5. О «квантовой» этике и со-творчестве с развивающимся Абсолютом

Лев Толстой много писал об усилиях сознания, которые являются главным делом жизни человека. Эти усилия позволяют возвращать под застывшей коркой современного облика Homo Sapiens живую новую ткань – хрупкую нарождающуюся форму человечности, тот единственно ценный «продукт», над которым стоит трудиться.

Очевидно, что живое, податливое и пластичное легче отзовётся на наши усилия, чем мёртвое и застывшее. Парадокс заключается в том, что живое раскрывается во втором режиме бытия под знаком Вечности, которую в истории мировой мысли всегда ассоциировали с «неизменным». А как раз то, что находится во времени и пространстве (на поверхности), что считается живым и

развивающимся, в режиме №2 выглядит мёртвым и механистичным. Через Ereignis, человек выходит навстречу *живой* Вечности, то есть Вечности, способной развиваться. Ведь усилия сознания заключаются в их плодотворности, то есть в возможности нечто изменить, дополнить, создать Новое.

Как писал Анри Бергсон: «...Каждый момент что-то приносит с собой, новое бьёт непрерывной струёй, и хотя после появления каждой новой формы можно сказать, что она есть действие определённых причин, но невозможно предвидеть то, чем будет эта форма, ибо причины – уникальные для каждого случая – составляют здесь часть действия, оформляются одновременно с ним и определяются им в той же мере, в какой и сами его определяют» [1, с. 174]. В квантовой механике это явление называется *декогеренцией*, когда система смешивается с окружающей средой и приобретает необратимое макросостояние, непредсказуемое до момента свершения. Действительно, только случившееся бытие, а не его идеальный проект, «схлопывает» веер возможностей и определяет конкретную форму явления или конкретную характеристику поступка. Поэтому раз и навсегда предзаданная Вечность, раз и навсегда предзаданный Абсолют или раз и навсегда предзаданный мир – это мёртвый мир, мёртвый Абсолют, мёртвая Вечность...

Физик-экстрасенс И.В. Чусов пишет: «Квантовая механика утверждает, что в основе самого полного описания какого-нибудь явления лежит понятие «вектор состояния», который есть некая своеобразная сумма взаимоисключающих базовых состояний... Пусть одно из этих состояний условно «свет», а другое – «тьма»... Пока не произведено измерение (акт декогеренции), говорить о «свете» или «тьме» нельзя. Их просто не существует... Вектор состояния может эволюционировать во времени – менять угол наклона к базовым векторам...» [10, с. 224-225]. К очень сходным выводам приходит В.И. Моисеев, давая абрис первичной модели социума «Социон-1»: «Активности изолятов и целых можно представлять в виде векторов (векторного опыта). Образуя эмерджент, элементы сверхаддитивно складывают свои векторы, плюс добавляется векторная самоэмерджентная прибавка, - образуется вектор эмерджента. Далее он сворачивается в элементы, влияя на их

общий вектор. Многократное сетевое отношение векторов эмерджента и индивидов может приводить к тем или иным аттракторам» [7].

В «квантовой этике» И.В. Чусова читаем: «Если вектор состояния перпендикулярен к базовым векторам «света» и «тьмы», то его проекция на них равна нулю. Если вектор состояния почти что «прижат» к одному из векторов, то его проекция практически равна ему самому» [10, с. 224]. В модели «Социон-1» В.И. Моисеева: «Векторы эмерджента и индивидов могут быть выражены на Р-шкале, образуя свои положительные, отрицательные или нулевые проекции. Проекция итогового вектора общества положительна е.т.е. в активности общества реализуется Р-принцип и происходит рост социального многоединства. Проекция отрицательна е.т.е. возникает разрушение социального многоединства (реализуется Z-принцип). Проекция нулевая е.т.е. мера многоединства остаётся постоянной (М-принцип)» [7].

И, наконец, главное: *«Только в процессе измерения-декогеренции можно поворачивать вектор состояния... Измерение вектора состояния Развивающегося Бога происходит через измерение вектора состояния человека»* [10, с. 227].

Мы не можем быть живыми, если не творим новое, не можем творить, если «желеобразны» (безосновны), не можем иметь основу, если не были причастны к её возведению. Но предмет нашего творения – не произвол и не индивидуальная фантазия, но «универсальная форма человеческого», та превосходящая индивидуальную субъективность структура, которая через акты декогеренции смещает вектор состояния развивающегося Абсолюта к полюсу Добра и Света. Так замыкается цикл взаимного оживления бытия.

Если не участвовать в этом цикле, то можно жить по принципу наименьшего сопротивления и расслабленности, когда вектор состояния замирает на М (медиа), на равновероятном выборе добра-зла, живого-мертвого. Вероятно, режим №1 более способствует такому расслабленному состоянию. Зов рассеянного в вещах «целого», который поступает к нам через впечатления (когда что-то вдруг нас волнует и «задевает за живое») в этом режиме воспринимается исходящим от

конечных вещей и состояний, задаваемых и описываемых «защитым» в языке социокодом. Даже «отозвавшись» на этот зов и начав работать, мы сможем углубиться только до ограниченных недо-форм (тех промежуточных форм, которые пытаются сохранить себя в качестве окончательных состояний), не различая новой целостности – вечно скользящей по лучу самопознания универсальной души. Только в режиме №2, когда в просвете Ereignis мы пересотворяем наши «ожившие» аксиоматики и встраиваемся в более глубинный синтаксис социопотокода, появляется шанс заглянуть по ту сторону свершившегося и увидеть новую целостность – живого Бога, молодую Вечность или Вечную Женственность.

Важно понять, что в каждом живёт развивающийся бог, а не ведомый и чутко сонастроенный с планом всезнающего Творца механистичный ангел. Важно почувствовать, что идеальная схема развития – это всегда мёртвая схема. Важно поверить в «извлечение опыта» и «проворачивание» вектора состояния усилием оформленного человеческого бытия. Только тогда бесплодная платоническая тоска по своей идеальной родине, сменится готовностью вынести страдание преображения и лететь в НЕВЕДОМОЕ. Два режима бытия и мышления не удваивают мир, а помогают ему сомкнуться, помогают воплотиться большому в малом, универсальному в конкретном, вечному во временном, помогают совместить Творчество и Благодать.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: Терра-Книжный клуб; Канон-пресс-Ц, 2001. – 384 с.
2. Борчиков С.А. Два режима бытия и мышления // Дискуссия на форуме сайта «Интегральное сообщество». – [Электронный ресурс]. URL:<http://allunity.ru/forum/viewtopic.php?f=10&t=19>
3. Борчиков С.А. Извивы протокода // Настоящее издание.– С.30-48.
4. Борчиков С.А. Пространство и время – форматы бытия // Образы постнеклассической интегральной философии. Вып. 2: Материалы 2-й летней

школы по интегральной философии и философии неовсединства: сборник статей. – М.: ИД «Навигатор», 2015. – С.68-75.

5. Борчиков С.А. Физики, лирики и метафизики // XVI всероссийская научно-практическая конференция «Дни науки - 2016». 100-летию со дня рождения Б.В. Броховича: Материалы конференции. Озерск, 20-23 апреля 2016 г. – Озерск: ОТИ НИЯУ МИФИ, 2016 – С.16-18.

6. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. – 458 с.

7. Моисеев В.И. Социон // Дискуссия на форуме сайта «Интегральное сообщество». – [Электронный ресурс]. URL: <http://allunity.ru/forum/viewtopic.php?f=4&t=27>

8. Подзолкова Н.А. Апофатическая гносеология // Интегральная философия [электронный журнал]. http://integral-community.ru/magazine/Integral_philosophy_1.pdf 2012. № 1. С. 90 – 94.

9. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: Сборник. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

10. Чусов И.В. Записки физика-экстрасенса: в 2 кн. Кн. 2. Научный путь к Богу. – Спб.: ИГ «Весь», 2009. – 304 с.

11. Эдвардс Б. Откройте в себе Художника. – Минск: Попурри, 2009. – 288 с.